

Варбот Ж.Ж. 1979 – К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII // *Этимология* 1977. М., 1979.

Ларин Б.А. 1931 – Западноевропейские элементы русского воровского аргю // *Язык и литература*. Т. 7. Л., 1931.

Трубачев О.Н. 1980 – Реконструкция слов и их значений // ВЯ. 1980. № 3.

Фасмер М. 1971 – *Этимологический словарь русского языка* / Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. В 4-х т. Т. III. М., 1971.

ЭССЯ 1977 – *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М., 1977.

Fraenkel E. 1955 – *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg; Göttingen, 1955.

Landau A. 1902 – *Zur polnischen Gaunersprache* // *AfslPh* 1902. Bd. 24.

Popowska-Taborska H. 1992 – *Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka*. Warszawa, 1992.

SP 1974 – *Słownik prastowiański* / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VII. Wrocław etc., 1974–1995.

Ramovš Fr. 1995 – *Kratka zgodovina slovenskega jezika*. I. Ljubljana, 1995.

Ułaszyn H. 1951 – *Język złodziejski*. Łódź, 1951.

Л.В. Куркина

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: "Языки русской культуры", 1996, 479 с.

Коллектив авторов под руководством Е.А. Земской создал этапное исследование, демонстрирующее принципиально новые возможности русистики, которая долгое время лишь "наводила порядок в своих знаниях", а не решала глобальные проблемы и загадки языка [Геллер 1996: 380]. При первом чтении монографии поражает раскрепощенность мышления авторов, преодоление лингвистической ведомственности, уравнивого схематизма и методических стереотипов, органическое погружение языка в жизнь, культурную среду, оперативное осмысление направлений языкового развития и бережное отношение к каждой новации, попадающей под лингвистический микроскоп. Традиции отечественной социологической лингвистики (имеются в виду труды таких выдающихся русистов, как Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.) нашли в монографии философское, культурологическое, системно-структурное продолжение, приобрели особую коммуникативно-прагматическую перспективу. Авторам удалось выявить реальное состояние современного русского языка¹, определить основные тенденции его развития, обусловленные факторами социального порядка²,

укрупнить категорию языковой способности, установить пути стиливого обновления текстов в их жанровых разновидностях и тех сферах функционирования, которые, перестраиваясь, задают содержательные и формальные языковые изменения.

Степень достоверности выводов, содержащихся в монографии, во многом обуславливается выбором исследовательского материала. В монографии собраны, систематизированы и представлены в разных аспектах лингвистические факты, определяющие образ русского языка конца века. Отметим в качестве примера данное в ретроспективном культурном контексте описание метафорического поля болезни общества (*бациллы национализма, склероз гражданской совести, вирус большевизма, агония социализма, приступ антисталинской паранойи, больная, издерганная страна* и др. – глава I).

Иллюстративный фонд монографии значительно дополняет и уточняет материалы словарей современного русского языка. Так, слово *диалог* (глава I) зафиксировано в значениях 'дискуссия', 'договоренность', 'общение'. Ни одно из этих значений не отмечено даже в Большом академическом словаре издания 1993 г. [ССРЛЯ 1993]. Обновление сочетаемости слова *милосердие* проиллюстрировано на базе 23 сочетаемых вариантов; проникновение жаргонных элементов в литературный язык убедительно доказано многочисленными примерами трансформации лексической семантики: например, не отмеченное академическими толковыми словарями слово *беспредел* представлено в 16 сочетаниях, объединенных зна-

¹ Дискуссионные мнения о состоянии русского языка см. в тексте доклада Ю.Н. Караулова "О состоянии русского языка современности". М., Институт русского языка АН СССР, 1991.

² Общее решение этой проблемы и группа оригинальных методик предложены в коллективной монографии: *Русский язык и советское общество* / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968.

чением 'деятельность социальных институтов' (*административный беспредел, беспредел власти* и др. – глава II). Сопоставление гнезд слова *крутой* в словообразовательном словаре [Тихонов 1985: 1091–1092] и монографии (глава III) обнаруживает факт значительного расширения гнезда за счет единиц "общего жаргона": *крученость, крутня, крутняк, подкрученный, круче, покруче, наикрутейший*. Способ описания "социальной престижности", "повышения в ранге" семантики новейших заимствований (глава III) для слов типа *бутик, слаксы, путана* может быть использован при создании новых словарей иностранных слов, а составители словарей трудностей, безусловно, используют описанные в главе IV ненормативные грамматические варианты и описанные в главе VII варианты ударения.

Можно было бы поставить в упрек авторам сознательное исключение из зоны специального наблюдения художественных, научных, официально-деловых текстов: ведь и они подвергаются существенным изменениям. Достаточно отметить хотя бы такое направление перестройки научного текстопроизводства, как смена "мы"-позиции "я"-позицией, "я"-точкой зрения. Однако нельзя не согласиться с тем, что центр коммуникативно-прагматических изменений – это именно язык публицистики и живая речь в ее многообразных проявлениях.

Если вернуться к примеру субъектной трансформации в научной речи, можно с уверенностью сказать, что данная тенденция в общем виде выявлена в монографии и описана как некое личностное начало. Определяющие особенности реального функционирования современного русского языка³ зафиксированы в рецензируемой монографии именно потому, что авторский коллектив в качестве равноправных объектов исследует речь устную и письменную, литературную и нелитературную, исконную и заимствованную. Академический неакадемизм – сознательный отказ от нормализаторского взгляда и менторства – дает плодотворные результаты: в контексте новейшей истории русского языка (80-е – 90-е гг. XX столетия) прослеживаются не только социально обусловленные изменения системы языка, но и, что особенно ценно,

становление языковой личности нового типа, культурные доминанты обновленного языкового коллектива, мена ментальных ценностных ориентиров, обнаруживающих себя в языке.

Содержащийся в Введении (Е.А. Земская) очерк языка тоталитарной эпохи обнаруживает философскую драму русского языка, попавшего в плен идеологических догм, находившегося несколько десятков лет "в раковых опухолях, которые не поддаются развитию", и останавливавшего "любое движение мысли" [Мамардашвили 1996: 316]. Выбор термина "квазиязык" мотивирует попытку проследить на базе "функционализации" речи конкретные изменения, которые связаны с оздоровлением языка, избавлением от идеологической лжи; позволяет выявить новые зоны психологического влияния на языковое сознание – от рекламы *АО МММ* до новых типов экономических отношений.

Первая часть монографии открывается главой, посвященной семантическим процессам в лексике (О.П. Ермакова). Соглашаясь с тем, что на данном этапе развития лексической системы можно говорить скорее о процессах, нежели о явных результатах, позволю себе высказать мнение о большей, чем это показано, противоречивости процессов. Например, описанный в главе процесс деидеологизации лексики сочетается с процессом идеологизации определенных фрагментов словаря. Как представляется, каждая семантическая тенденция имеет две противоположные линии развития. В обстановке политической нестабильности, социальных всплесков и депрессий разнонаправленность семантической тенденции не исчезает, хотя и проявляется неравномерно. В целом же набор семантических процессов, обуславливающих детотализацию русского языка, определен и убедительно проиллюстрирован.

Исследованию лексических изменений посвящена глава II монографии (Е.В. Какорина), в которой описаны особенности трансформации лексической семантики и сочетаемости, изменения стилистического статуса слова на фоне социалистической конфронтации. В главе зафиксированы вовлечения в газетный узус высокой книжной лексики и лексики жаргонной, показана активизация лексики конфессиональной, выявлены причудливые лексические сюжеты, стимулирующие развитие многозначности, новых моделей сочетаемости, определяющие стилиевой облик текста, формирующие языковой вкус эпохи (см. [Костомаров 1994]).

³ Убедительный опыт коммуникативно-прагматической интерпретации современного русского языка содержится в коллективной монографии: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект* / Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1993.

Современное словопроизводство в зеркале социальных изменений представлено в главе III (Е.А. Земская). Кажется, впервые так точно установлен хронотоп живых словообразовательных процессов. Выявлены базовые производящие основы с точки зрения их социальной значимости, обнаруживающие те зоны в картине мира, которые живо реагируют на социальные события. Категория "ключевого слова" получает в исследовании новую социолингвистическую перспективу. Парадигматический анализ словообразовательных новаций в сочетании с контекстно-стилистической интерпретацией открывает новые возможности динамического словообразования. Особой значимостью, как мне кажется, обладает вывод об антропоцентрическом характере современного словообразования, свидетельствующий об усилении личностного начала, характеризующего функционирование русского языка в постсоветский период. Разные степени свободы языка (теоретическое развитие этой проблемы см., например, в работе [Мурзин 1997]), обнаруживающие себя на определенных участках словообразовательной системы, демонстрируют конкретные связи языка и общества. Особо отмечу лингвистическую ценность введенного в оборот окказионального словообразовательного материала, свидетельствующего о широких потенциальных возможностях системы.

Процесс активизации употребления в речи иноязычных слов, причины этой активизации, условия вхождения иноязычной лексики в общий оборот, а также отдельные особенности ее функционирования – предмет анализа главы IV (Л.П. Крысин). Думается, что вывод автора о распределенности иноязычных слов по функциональным стилям и речевым жанрам нуждается в дополнительной статистико-текстовой конкретизации.

Оригинально построена глава V (М.В. Китайгородская), посвященная современной экономической терминологии. Проработка реальной экономической ситуации, включающей два типа экономических структур, – рынок и редистрибуцию – позволяет выявить языковые аналоги происходящих социально-экономических перемен, дать глубокую системную интерпретацию терминов, структурирующих экономическое пространство. Автор рецензии апробировал материалы и наблюдения, содержащиеся в данной главе, на учебных занятиях по риторике со студентами экономического факультета Уральского университета. Молодые экономисты воспринимали этот материал (в

том числе текстовой) с неподдельным интересом, использовали его для конструирования речей, отражающих определенное экономическое мировоззрение. Лингвистическая проекция конкретных речевых ситуаций (например, *кредита, ссуды, займа, банковского вклада*) позволила организовать в аудитории лингвориторические игры, необходимые для формирования чувства языка специальности. Говорю об этом потому, что возможность подобного вида внедрения лингвистической работы свидетельствует о принципиальной новизне последней, о расширении круга читателей актуального лингвистического труда.

В главе VI (М.Я. Гловинская) на фоне языкового сознания носителей кодифицированного языка и в контексте новых форм общественной жизни описаны активные процессы в грамматике. Выделены две общие тенденции: первая связана с ослаблением падежных функций; вторая – с расшатыванием синтаксических правил, не мотивированных семантически. Речевой материал главы значим для ортологических проблем культуры речи. Социолингвистическая и системно-лингвистическая интерпретации аномалий позволяют углубить типологию грамматических ошибок и их причин, осмыслить отступления от грамматических норм в аспекте коммуникативных неудач, составить общее представление о культурном состоянии языка в его функционировании. Это представление дополняется материалами главы VII (В.Л. Воронцова), в которой анализируются процессы, происходящие в области ударения, и обобщаются наблюдения культурно-речевой компетенции говорящего (в основном в сфере массовой коммуникации). Выявленные "списки" (Л.В. Щерба) могут быть использованы при составлении словарей вариантов.

Первая часть монографии завершается главой VIII (Н.Е. Ильина) – "Рост аналитизма в морфологии". Объект наблюдения – язык радио, телевидения, газет. Исследовательский материал свидетельствует об усилении тенденции к аналитизму. Отдельные факты, однако, требуют стилистической проверки. Мне кажется, можно говорить о распределении вариантов по жанрам (жестким и нежестким). Так, например, в телевизионных спортивных репортажах географические наименования на *-ово, -ино* чаще употребляются как склоняемые. Не вполне понятно, почему мена вариантов *самое* → *саму* или чередование типа <a // o> рассматриваются как свидетельство развития аналитизма.

Устная и письменная коммуникация конца XX столетия – предмет второй части монографического исследования. Тенденции, определяющие развитие городской коммуникации, зафиксированы в главе IX (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова): это диалогичность, личностность, карнавальность. Самостоятельной ценностью обладают тексты (магнитофонные записи устной речи), в которых ярко отражаются социальные, политические, экономические повороты нашего времени. Процесс возрождения определенных лексических пластов (см. главу II) сопровождается, как показало исследование, возрождением и перестройкой ряда жанров (устная реклама, зазывы, остро словицы, объявления и др.). Материалы данной главы открывают заманчивую перспективу текстового, в том числе жанрового, анализа живых разговорных взаимодействий. Очень перспективна, как мне кажется, методика текстового анализа стереотипа, вписанного в контекст коммуникативного акта. Убедительно продемонстрированы виды отступлений от стереотипов речевого поведения, вызванных, в частности, реализацией творческого начала. Пример нестереотипной реакции продавщицы: А. Скажите /селедка у вас крупная? Б. Да вот как я (т.е. с р е д н я я) (с. 353). Язык жизни выступает как некий жанровый континуум, вписанный в определенное коммуникативное пространство (например, "Очередь", "Рынок"), а сама городская коммуникация воспроизводится как динамическая целостность антропоцентрического типа.

Описание состояния современного русского языка было бы неполным без освещения еще двух тенденций – огрубление речи и ее эвфемизация (глава X, Л.П. Крысин). Тема огрубления речи сейчас в моде. Многие филологи и публицисты видят в легализации грубой и нецензурной лексики проявление кризисного состояния языка. Другие же, напротив, считают, что это та степень языковой свободы, которая позволяет реализовать эмоциональную свободу личности. В данной же главе убедительно продемонстрирована разнонаправленность в развитии современной языковой ситуации. Охарактеризованные виды эвфемизации, существующие в различных сферах функционирования языка, выявляют защитные механизмы, с помощью которых язык "держит" социальную, нравственную "оборону". Систематизированы темы и сферы социальной жизни, в которых целенаправленно используется эвфемизация. Впервые в зону научного исследования российской языковой ситуации попадают такие сферы, как реп-

рессивные действия власти, государственные тайны и секреты, деятельность силовых органов. В главе выделены социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов и средств, огрубляющих речь, сделаны методические шаги от лексики к типовым жанрам, стратегиям и тактикам речевого поведения. Разработанные классификационные схемы могут служить надежной опорой для конкретных исследований коммуникативного взаимодействия.

Объективность монографического описания русского языка конца XX столетия поддерживается стремлением авторов осмыслить явления, от которых интуитивно хочется отгородиться: это касается не только проявлений языковой агрессии в различных формах бытования, но и массива текстов национал-патриотического, неонацистского толка. Стилиевые особенности "оппозиционной" прессы 1991–1995 гг. охарактеризованы в главе XI (Е.В. Какорина). В перечне новых жанров встречаем и инвективы, описанные в сфере городской коммуникации (глава IX), и жанр "обзываловки" (*Сивый ерин; черномырдяная рябина* и др.), наглядно демонстрирующий реализацию тенденции к огрублению (глава X). Толкование ключевых слов позволяет ощутить вторую волну направленной идеологизации словаря.

Общая для современного русского языка тенденция к диалогичности ярко проявляется в жанре интервью (глава XII, Е.И. Голанова). Коммуникативная типология этого жанра, речевые позиции, "кодекс взаимоотношений" коммуникантов, их отношение к системно-языковым, этическим нормам – вот далеко не полный перечень проблемных вопросов, рассматриваемых в данной части работы.

Жаль, что в монографии нет заключения, хотя, возможно, авторы сочли его преждевременным. Они зафиксировали этап в развитии русского языка постсоветского, посттоталитарного периода. Язык ожил: работают активно все звенья системы; обновляется стилиевый облик текстов; перестраивается система жанров; происходит переориентация социально-ролевых функций; обустраивается речевой быт; формируются новые коммуникативно-прагматические ориентиры. Направления исследования русского языка определены на долгие годы вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Геллер Л. 1996 – Старая болезнь культуры: Русофилия (Заметки по поводу словаря русского

- менталитета) // Новое литературное обозрение. 1996. № 21.
- Костомаров В.Г. 1994 – Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- Мамардашвили М. 1996 – Язык осуществившейся утопии // М. Мамардашвили. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М., 1996.

- Мурзин Л.Н. 1997 – О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
- ССРЛЯ 1993 – Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. Т. 4. М., 1993.
- Тихонов А.Н. 1985 – Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. Т. 1. М., 1985.

Н.А. Купина

A.E. Backhouse. The lexical field of taste: A semantic study of Japanese taste terms. Cambridge. Cambridge University Press. 1994. 198 p.

В последние годы интерес лингвистов к лексике, описывающей процессы восприятия, заметно повысился, но область вкусовых ощущений до сих пор остается без должного внимания. Достаточно сказать, что в классическом учебнике "Язык и восприятие" [Miller, Johnson-Laird 1976] обонянию и вкусу уделено 3 страницы из 760. Работы, связанные с этой тематикой из числа вышедших на английском языке за последнее столетие, можно буквально пересчитать по пальцам (несколько статей начала века о терминах вкуса в неиндоевропейских языках [Chamberlain 1903; Myers 1904; Rivers 1905], монография А. Лерера о винной терминологии в английском [Lehrer 1983] и работы О'Махони и его коллег, в которых описываются психологические эксперименты по распознаванию различных вкусов носителями разных языков [O'Mahony, Muhiudeen 1977; O'Mahony, Tsang 1980; O'Mahony, Manzano Alba 1980; O'Mahony, Ishii 1986]).

Рецензируемое исследование А. Бэкхауза, цель которого сам автор определяет в предисловии как "семантическое описание терминов вкуса в современном разговорном японском", демонстрирует, что отсутствие лингвистического интереса к вкусу было большой ошибкой (вспомним, что когда-то А. Лерер предлагала своим читателям проверять "их любимые семантические теории" на материале терминов, обозначающих вкус вина [Lehrer 1983: 31]). Любимая теория и у А. Лерера, и у А. Бэкхауза одна и та же – теория лексического значения Дж. Лайонза, которую автор рецензируемой книги обобщает так: "значение лексической единицы рассматривается как определяемое в терминах разнообразных внутриязыковых семантических отношений, в которые эта единица вступает с другими единицами языка, а также в терминах соотношения единицы с внеязыковыми феноменами (экстралингвистическое значение)" (с. 19). Подробно об-

суждается вопрос о том, как описывать экстралингвистическое значение терминов вкуса: А. Бэкхауз развивает понятие "фокусного примера" (focal example), впервые предложенное в [Berlin, Kay 1969] для цветообозначений, дополняя его понятием "вкусовая норма" (taste norm). "Фокусные примеры" указывают на то, какая пища обычно ассоциируется с тем или иным вкусом, например, сахар является "типичным представителем" вкуса "сладкий", а "нормы", наоборот, сообщают, каким вкусом должно обладать то или иное блюдо или продукт "в идеале", так, мандарины, согласно А. Бэкхаузу, должны быть "кисло-сладкими".

Структура работы определена разграничением оценочных (evaluative) и описательных (descriptive) терминов. В группу оценочных входят прилагательные *oishii* 'вкусный'¹, *umai* 'вкусный' и *mazui* 'невкусный'. В японском языке эти термины могут относиться не только к еде, но и к таким понятиям, как "воздух", "табак", "ресторан". А. Бэкхауз рассматривает отношения синонимии и антонимии, в которые вступают эти термины, но особое внимание уделяется стилистическим особенностям: *oishii* встречается преимущественно в женской речи, *umai* и *mazui* – преимущественно в мужской речи (согласно А. Бэкхаузу, японские женщины вообще избегают называть приготовленную кем-то пищу "невкусной"). "Женское" прилагательное *oishii* менее подвержено метафорическим расширениям, чем пара *umai-mazui*, которая может употребляться метафорически в значении 'умелый' (*umai*) – 'неумелый' (*mazui*).

Основная часть рецензируемой монографии посвящена описательным терминам.

¹ Русские переводы даются по Большому японско-русскому словарю в двух томах, под ред. Н.И. Конрада (Москва, "Советская энциклопедия", 1970).